

Р. А. Соколов, И. Н. Смирнова

Наркомат имуществ Республики и придворное духовенство в первые месяцы советской власти (по материалам Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга)

**Соколов Роман
Александрович**

д-р ист. наук,
проф., Российский
государственный
педагогический
университет им.
А. И. Герцена;
гл. науч. сотр.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

**Смирнова Ирина
Николаевна**

мл. науч. сотр.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование:

Исследование
выполнено при
поддержке
Российского научного
фонда (РНФ), проект
№ 21-48-04402
«Святые и герои:
От христианизации
к национализму.
Символ, Образ, Память
(Северо-Западная
Россия, страны Балтии
и Северной Европы)»

Взаимоотношения советской власти с Русской православной церковью после Октябрьского переворота довольно пристально изучены исследователями с различных ракурсов. Вместе с этим нельзя не отметить, что некоторые из аспектов этих взаимоотношений рассмотрены менее остальных, в частности и по той причине, что ряд сюжетов не вписывается в общий историографический подход. Тем важнее видится обращение к ранее не публиковавшимся архивным документам, дающим возможность по-новому взглянуть на некоторые аспекты отношений церкви и власти в 1918 г.

В данном случае речь идет о «Документах об упразднении придворного духовенства», хранящихся в фонде Отдела имуществ Республики Наркомпроса Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга. Материалы ряда дел¹ содержат распоряжения властей по сохранению имеющихся капиталов за храмами, подконтрольными бывшему придворному духовенству.

Само появление подобных документов в марте 1918 г., когда позиция новых властей по отношению к церкви уже была четко обозначена и подкреплена законодательством, можно назвать своего рода нонсенсом. Однако для подобного прецедента были причины, многие из которых крылись в обособленном положении придворного духовенства до революций 1917 г., а именно его подведомственности Синоду и Министерству императорского двора одновременно, определившей двойное подчинение.

Еще одним церковным ведомством, устроенным аналогичным образом, было военное духовенство, подконтрольное и Синоду, и Военному министерству². Статусность и особое положение этих ведомств подчеркивались в том числе и тем, что протопресвитеры Александр Дернов и Георгий Шавельский, стоявшие соответственно во главе придворного и военного духовенства, входили в состав Святейшего Правительствующего Синода Православной российской церкви³. Судьба придворного духовенства по сей день остается малоизученной. Среди немногих исследований по этой теме отметим статью А. В. Соколова «Судьба придворного духовенства после октябрьского переворота 1917 года»⁴. Между тем упомянутые выше документы позволяют по-новому взглянуть на некоторые нюансы политики, проводимой органами власти по отношению к придворной части клира, составлявшей к 1918 г. довольно многочисленную корпорацию.

Деятельность придворного духовенства, являвшегося неотделимой частью Министерства императорского двора (далее — Министерства), целиком и полностью зависела от него. Ликвидация последнего, начатая еще Временным правительством в марте 1917 г., продолжилась и после Октября 1917 г., затянутость процесса была обусловлена изначально непростой организацией ведомства. В его систему «были включены и крупнейшие театры, и дворцы с их художественными сокровищами, и обширные земельные владения. Долговременное объединение управления алтайскими рудниками и петербургской балетной труппой, придворной капеллой и придворной конюшней было возможно только в условиях монархии»⁵.

Борьба за богатое наследство императорского двора (частью которого были в том числе уникальные предметы искусства) развернулась уже в марте 1917 г. — параллельно с попытками новых властей определиться с судьбой Министерства. Мощным, хотя и весьма разрозненным фронтом выступили силы интеллигенции, которые уже долгое время до этого шли к идее создания единого органа, сферой деятельности которого стал бы контроль сохранности уникальных предметов из царских коллекций. В марте 1917 г. в Петрограде образовалось несколько блоков, претендовавших на управление художественно-историческим наследием императорского двора: комиссия под руководством М. Горького («горьковская комиссия») и Совет по делам искусств. Итогом их борьбы стал самороспуск «горьковской комиссии». Совет по делам искусств, не сумев прийти к внутреннему компромиссу, просуществовал также недолго. По большей части всех интересовало художественно-историческое наследие, сосредоточенное во дворцах и музеях. Однако Временному правительству не удалось разрешить эту задачу. В результате единственными органами, принявшими на себя заботу о художественно-историческом наследии Министерства, стали Художественно-исторические комиссии, деятельность которых в дальнейшем была положена А. В. Луначарским в основу органов охраны памятников⁶. Данная проблема еще больше обострилась с началом антицерковных акций, которые уже сами по себе «стали причиной гибели значительной части культурных ценностей страны»⁷.

После Октябрьского переворота на управление наследием Министерства всецело претендовал нарком просвещения А. В. Луначарский, также планируя создать на его базе так называемое Министерство искусств или Совет по делам искусств. Но в первые месяцы после революции этим планам не было суждено сбыться.

Уже 9 декабря 1917 г. появилось новое ведомство, во многом дублирующее функции Наркомпроса, Государственный комитет дворцов Республики, через три дня переименованный в Народный комиссариат имуществ Республики. Решение о создании этого органа было обусловлено соглашением между большевиками и партией левых эсеров, представителю которой, В. А. Карелину, 12 декабря был отдан министерский портфель⁸.

Наркомат просвещения и Наркомат имуществ Республики распределили между собой зоны ответственности бывшего Министерства, в результате чего Наркомпрос забрал на себя все вопросы по организации музеев в бывших императорских дворцах, составление описей художественно-исторических ценностей и работу по их охране. Дополнительно на плечи Наркомпроса легли задачи по недопущению вывоза художественных памятников за пределы страны, охрана частных коллекций и передача их в формирующиеся музеи. Наркомат имуществ взял на себя контроль финансовой и бытовой сферы (на основании архивных документов можно видеть, что его служащие в основном занимались вопросами организации охраны дворцов, закупкой дров для отопления, создания столовых для работников музеев, кадровым и финансовым обеспечением организаций)⁹. Помимо этого, в прямое подчинение Наркомату перешло придворное духовенство, которое, таким образом, в новых условиях всецело зависело от его решений.

14 января 1918 г. за подписью заместителя народного комиссара имуществ республики Ю. Н. Флаксермана вышло постановление об упразднении придворного духовенства и реквизиции имущества и помещений придворных церквей. Охрана храмов бывшего Министерства как памятников искусства и старины временно возлагалась на управляющих находящимся рядом дворцов (т. е. переходила под контроль Наркомпроса). Богослужения в этих храмах могли продолжаться по заявлению «обществ верующих» при условии, что все хозяйственные расходы, а также содержание священнослужителей прихожане возьмут на себя. Все благотворительные учреждения бывшего придворного духовенства переходили в ведение Наркомата призрения, а учебные заведения в Наркомат просвещения¹⁰. Руководство канцелярией бывшего придворного духовенства принял на себя протопресвитер Александр Дернов, до 14 января сохранявший свои руководящие функции.

Разумеется, постановление Народного комиссариата имуществ не могло одномоментно поставить точку на существовании аппарата придворного духовенства. Сложная организация ведомства требовала, как минимум, нескольких месяцев для передачи дел, что ставило вопрос и о содержании его сотрудников.

В фонде Наркомата имуществ республики хранится ряд дел¹¹, где подробно зафиксированы обращения протопресвитера Александра Дернова

с просьбой предоставить средства на содержание священно- и церковнослужителей и их семей, имевших право на получение пенсий из казны, на основании прежнего отношения к категории государственных служащих.

Записка отца Александра Дернова в адрес Наркомата имуществ, на которую, как будет показано ниже, последовал положительный ответ, датируется 28 (15) февраля 1918 г.¹² Согласно ей, протопресвитер получил телефонный запрос от Наркомата на предоставление информации «1. о содержании б[ывших] Придворных соборов и церквей и духовенства при них; 2. о неприкосновенных капиталах б[ывших] Придворных соборов и церквей; 3. о благотворительных и учебных учреждениях при них»¹³. По этим пунктам была предоставлена вся необходимая информация¹⁴, с дополнительным приложением докладной записки о необходимости принятия со стороны Наркомата соответствующих распоряжений¹⁵. Предложения, изложенные в указанной записке, были довольно смелыми, учитывая складывающиеся на тот момент отношения церкви и власти. Тем удивительнее читать напротив каждого из предложений протопресвитера комментарии, оставленные представителем Наркомата (возможно, рукой самого Ю. Н. Флаксермана, фактически выполнявшего функции наркома): почти во всех случаях резолюция была обозначена одним словом — «да».

Уже 9 марта 1918 г. Наркомат имуществ Республики издает распоряжение, полностью противоречащее ряду пунктов январского постановления об упразднении придворного духовенства и практически слово в слово дублировавшее записку отца Александра Дернова.

Основные положения этого документа, как представляется, очевидно противоречили общему курсу, направленному на борьбу с церковью и религией, осуществлявшемуся в тот период на общегосударственном уровне. Согласно установленным в нем нормам, сохранялись кредиты на содержание древних соборов Московского Кремля — Благовещенского, Верхоспасского и Архангельского. Более того, аналогичные кредиты отпускались и для столичных соборов — Петроградского Петропавловского и Федоровского (в Царском Селе), а также храма Зимнего дворца, как составляющих «общее достояние Республики и представляющих собой исторические памятники русского искусства»¹⁶.

Предусматривалась выдача бывшему придворному духовенству и служащим канцелярии заведующего придворным духовенством содержания за 1,5 месяца со дня упразднения ведомства, т. е. с 14 февраля 1918 г. Из суммы бывшего Министерства двора выделялся «кружечный капитал» для передачи в духовно-административную организацию бывшего духовенства. Предполагалось обеспечить этими средствами функционирование благотворительных учреждений, которые также должны были вернуться под ее контроль.

При храмах, относившихся к ведению бывшего Министерства, сохранялись все церковные капиталы, за исключением тех, что имели специальное назначение — на содержание и ремонт храмовых зданий. Эта часть оставалась в Комиссариате имуществ республики, который и должен был обеспечить данную статью расходов. Фактически данная норма являлась попыткой уравнять положение храмовых зданий и музеев, ответственность за сохранность которых в данный период государство принимало на себя¹⁷.

За духовно-административной организацией бывшего придворного духовенства сохранялись помещения для канцелярии, архива и четырех служащих лиц, как оплаченные из кружечного капитала, а также те церковные дома и квартиры, на устройство которых были вложены капиталы духовенства. За бывшим придворным духовенством сохранялся контроль над часовней Спасителя, располагавшейся в первоначальном дворце императора Петра I¹⁸.

Сведения о сохранении «кружечного капитала» за бывшим придворным духовенством приводились в исследованиях А. В. Соколова и М. В. Шаровского. В трудах последнего отмечалось, что появление подобного распоряжения вытекало из гибкой политики Наркомата имуществ Республики¹⁹. Обращение к архивным фондам позволяет конкретизировать данные наблюдения: в частности, в дополнение к рассмотренному выше документу, в деле находится ранее не публиковавшийся и не введенный в оборот составленный в Наркомате имуществ расширенный список «бывших придворных соборов и церквей, при коих имеются неприкосновенные капиталы, пожертвованные различными обществами, учреждениями и частными лицами...»²⁰. Список на трех листах с указанием придворных храмов и конкретной суммой кредита, сохранявшейся за каждым из них²¹.

Согласно данному документу, предусматривалось финансирование следующих храмов: по Москве — Архангельского, Благовещенского и Верхоспаского; по Петрограду — Петропавловского собора, Петропавловского собора в Петергофе, церковью Мариинского и Таврического дворцов, Знаменской и Скорбященской госпитальной церковью в Царском Селе, церкви бывшей императорской охоты, церкви Конюшенной части, Каменноостровской церкви, церкви в Стрельне и др. Всего — 3 храма в Москве и 17 — в Петрограде²².

Общая сумма сохранявшегося кредита составляла 276 924 руб. Отдельно от нее предусматривалось выделение так называемых сиротских капиталов, образовавшихся из добровольных пожертвований, на сумму 54 600 руб., и предназначенных для расходов на пособия сиротам и вдовам бывшего придворного духовенства. Дополнительным пунктом также был указан «кружечный капитал» в 200 000 руб., расходы из которого предназначались на пособия и различные церковные нужды, содержание Дома призрения вдов и сирот бывшего придворного духовенства. Часть этого капитала ранее была потрачена на постройку дома для чинов бывшего Министерства двора, в нем были предоставлены бесплатные квартиры для протопресвитера, его канцелярии, архива и их сотрудников. Данное распределение площадей предполагалось сохранить.

Что послужило причиной того, что Ю. Н. Флаксерман согласовал запрос протопресвитера Александра Дернова на сохранение капиталов за храмами и ряд других уступок, доподлинно неизвестно. Вполне вероятно, что это было связано с событиями, происходившими в Петрограде начиная с января, когда Наркомат призрения, вдохновленный подготовкой издания декрета об отделении церкви от государства²³, попытался занять помещения Александроневской лавры, используя вооруженную силу²⁴. Как известно, эти события закончились масштабным крестным ходом, собравшим, по разным оценкам,

от пятидесяти тысяч до полумиллиона человек²⁵. Согласно М. В. Шкаровскому, церковная жизнь первой половины 1918 г. проходила в Петрограде под знаком сопротивления декрету об отделении церкви от государства²⁶. А. Н. Кашеваров отмечает, что, стремясь сгладить негативные последствия попытки захвата лавры, власти несколько приостановили наступление на церковь в столице²⁷; возможно, руководство Наркомата имуществ не пожелало повторить печальный опыт своих коллег из ведомства А. М. Коллонтай, а потому пыталось вести более мягкую политику.

Вместе с этим кажется не лишённой смысла и идея о том, что причина сохранения финансирования могла крыться в некоторой конкуренции Наркомата имуществ с Наркоматом просвещения в сфере охраны памятников: как уже отмечалось выше, во многих аспектах их деятельность дублировала друг друга. Наркомат просвещения активно взялся за организацию музеев при пригородных дворцах, начиная уже с февраля 1918 г., и получая от правительства финансирование на эти цели. Его «конкурент» также желал получить свою часть в администрировании, и сделать это в тех условиях, заручившись поддержкой «снизу», было гораздо проще. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения может служить примерное совпадение положений запроса отца Александра Дернова в адрес Наркомата имуществ, с одной стороны, и сути распоряжения Ю. Н. Флаксермана от 9 марта 1918 г. — с другой. Вероятно, между ними должны были иметь место определенные предварительные договоренности, заранее определившие суть обращения и реакцию на него.

Принадлежность храмов к «достоянию Республики» как предлог для сохранения их капиталов звучал наиболее убедительно в рамках кампании по сохранению культурно-исторического наследия страны для народа. Более того, этот предлог отлично ложился на ситуацию с храмами Московского Кремля, серьезно пострадавшими во время октябрьских событий 1917 г.²⁸

Также нельзя отрицать и некоторую симпатию со стороны Ю. Н. Флаксермана по отношению к протопресвитеру Александру Дернову. При работе с документами дела, содержащими в себе постановления по упразднению ряда других подотделов Министерства двора (таких как канцелярия Министерства, гофмаршальская и церемониальная части)²⁹, можно отметить, что только обращения протопресвитера носили убедительный характер и были подкреплены конкретикой — четкими и обоснованными сметами на содержание бывшего придворного духовенства, предоставлением подробной информации по структуре и деятельности ведомства. На фоне других упраздненных подведомств, обращения которых носили конфликтный характер (упреки в адрес Наркомата имуществ по причине неуважительного отношения к ведомствам, ранее игравшим важную роль при Министерстве)³⁰, обращения отца Александра Дернова смотрятся наиболее убедительно и корректно составленными. Не исключено, что именно готовность протопресвитера к диалогу с новой властью, а также акцент на том, что придворные храмы являются частью «достояния Республики», и привели к рассмотренным выше постановлению от 9 марта 1918 г. и приложенному к нему списку.

Даже после переезда правительства в Москву в марте 1918 г., Ю. Н. Флаксерман принимал активное участие в поиске средств для придворного духовенства и попытках выделения субсидий, составляя сметы на расходы придворных храмов на период июля — декабря 1918 г.³¹

К сожалению, проектам Наркомата имуществ республики по сохранению капиталов придворных храмов не суждено было сбыться. В мае 1918 г. в системе Наркомпроса был создан отдел охраны, учета и регистрации памятников искусства и старины, руководство которым взяла на себя Н. И. Седова-Троцкая. Постепенно этот отдел стал курировать работу по составлению описей национализированных предметов, вывозившихся из дворцов, усадеб, квартир, церквей, монастырей и других учреждений, с целью хранения, инвентаризации и дальнейшего перераспределения между музеями страны.

В этот же период, как отмечает А. В. Соколов, ссылаясь на документы ГА РФ, распоряжения Ю. Н. Флаксермана начали наткнуться на противодействие большевистского руководства в Петрограде — Президиума ЦИК Коммуны Северной области. Городские власти, не считаясь с приказами Наркомата имуществ, приняли самостоятельное решение о закрытии собора Зимнего Дворца, изъятии «кружечного капитала», квартир и Дома призрения. В часовню Спасителя назначили комиссара, который объявил, что вся выручка от продажи свечей будет поступать в «каассу Республики»³².

Наркомату имуществ Республики также оставалось существовать недолго — Постановлением СНК РСФСР от 11 июля 1918 г. он был переименован в Отдел имуществ Республики и введен в состав Наркомпроса РСФСР³³. Постановлением Наркомпроса РСФСР от 26 февраля 1920 г. отдел имуществ Республики был включен в состав Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР под руководством Н. И. Седовой-Троцкой³⁴. Новый строй, ударив по духовенству, являвшемуся главным хранителем религиозных артефактов, поставил под вопрос и само существование культурно-исторического наследия церкви. К 1930-м гг. судьба предметов церковного культа вызывала уже иные споры: их хранители — музейные сотрудники — искали возможность активной презентации икон и предметов церковного культа в антирелигиозных целях³⁵.

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. 29. Оп. 1. Д. 47. Документы об упразднении придворного духовенства (переписка и списки церквей); Д. 40. Положения, инструкции и приказы о ликвидации некоторых отделов б. Министерства двора.

² *Безик Г., прот.* Деятельность Святейшего Синода по руководству военным духовенством армии Российской империи в Первой мировой войне // Христианское чтение. 2021. № 1. С. 208.

³ *Фирсов С.* Святейший Правительствующий Синод накануне и во время революции. Историко-социологический очерк // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37, № 1–2. С. 92.

⁴ *Соколов А. В.* Судьба придворного духовенства после октябрьского переворота 1917 года // Церковно-исторический вестник. 2015/2016. № 22–23. С. 31–37.

- ⁵ *Гордеев П. Н.* Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.) и др. СПб., 2011. С. 42.
- ⁶ *Смирнова И. Н.* Петроградская художественно-историческая комиссия и эвакуация ценностей Зимнего дворца в 1917 году // Клио. 2020. № 9. С. 156–161.
- ⁷ *Кашеваров А. Н.* Советская власть и судьбы мощей православных святых. СПб., 2013. С. 14.
- ⁸ 12 (25) декабря. Постановление ВЦИК об изменениях в составе Совета Народных Комиссаров // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 215.
- ⁹ См., например: ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 1. Д. 5. Заявления граждан о приеме на службу; Д. 67. Документы об оплате труда по новым тарифам (постановления, протоколы, списки и переписка).
- ¹⁰ Постановление по Народному Комиссариату имуществ Республики. Об упразднении придворного духовенства (14 января 1918 г.) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 386–387.
- ¹¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 1. Д. 40, 47.
- ¹² Там же. Д. 40. Л. 52.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 53–129.
- ¹⁵ Там же. Л. 131–132.
- ¹⁶ Там же. Д. 47. Л. 1.
- ¹⁷ Обращение коменданта Зимнего, Мариинского, Таврического дворцов и Смольного и комиссаров по охране музеев к населению о возвращении ценностей, похищенных из Зимнего дворца // Петроградский военно-революционный комитет: документы и материалы: в 3 т. Т. 1. М., 1966. С. 266.
- ¹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2; Д. 40. Л. 136.
- ¹⁹ *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. СПб., 1995. С. 30.
- ²⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 1. Д. 47. Л. 5–8.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Декреты Советской власти. Т. 1. С. 373–374.
- ²⁴ *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–
- ²⁵ Там же. С. 108–109; *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат. С. 24.
- ²⁶ *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат. С. 27.
- ²⁷ *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). С. 108.
- ²⁸ *Кашеваров А. Н.* Переезд советского правительства в Москву и судьба кремлевских монастырей // История Петербурга. 2019. № 1 (74). С. 66, 68.
- ²⁹ См., например: ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–12; Л. 15.
- ³⁰ Там же. Л. 22–23.
- ³¹ *Соколов А. В.* Судьба придворного духовенства после октябрьского переворота 1917 года. С. 34–35.
- ³² Там же. С. 34.
- ³³ 11 июля. Постановление о слиянии Народного комиссариата имуществ Республики с Народным комиссариатом просвещения // Декреты Советской власти. Т. 3: 11 июля — 9 ноября 1918 г. М., 1957. С. 545.
- ³⁴ *Крапивин М. Ю.* Главмузей и комиссия Л. Д. Троцкого «по учету и сосредоточению ценностей» (ноябрь 1921 г. — октябрь 1922 г.) // Вопросы музеологии. 2016. № 1 (13). С. 12.
- ³⁵ *Шахнович М. М.* Презентация культа христианских святых в антирелигиозных музейных экспозициях эпохи «великого перелома» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37, вып. 4. С. 706–717.

Статья поступила в редакцию 6 октября 2022 г.
Рекомендована к печати 29 декабря 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соколов Р. А., Смирнова И. Н. Наркомат имуществ Республики и придворное духовенство в первые месяцы советской власти (по материалам Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга) // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13, № 2. С. 445–454. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.212>

Аннотация: Вопрос отношения советской власти и Русской православной церкви, несмотря на обилие исследований, по сей день имеет немало «белых пятен». К одной из таких лакун можно отнести взаимоотношения власти с придворным духовенством. Духовенство, являвшееся частью Министерства императорского двора, было упразднено в январе 1918 г., за несколько дней до издания декрета об отделении церкви от государства. Хронологическое расхождение имело свою причину — в первую очередь, духовенство было связано с судьбой этого министерства, и, как и ряд его подведомств, попало под контроль Наркомата имуществ Республики. Несмотря на общепринятое мнение об исключительно последовательной антирелигиозной политике властей, в марте 1918 г. руководство Наркомата имуществ издает постановление о возвращении духовенству части капиталов, отчужденных январским постановлением. В настоящей статье исследуются данный документ и приложения к нему, которые не были опубликованы ранее, а также анализируются возможные причины появления подобного документа, противоречащего общему курсу на борьбу с церковью и религией, осуществлявшемуся в тот период на общегосударственном уровне. Проектам Наркомата имуществ республики по сохранению капиталов придворных храмов не суждено было сбыться. В мае 1918 г. в системе Наркомпроса был создан отдел охраны, учета и регистрации памятников искусства и старины, руководство которым взяла на себя Н. И. Седова-Троцкая. Постепенно этот отдел стал курировать работу по составлению описей национализированных предметов, вывозившихся из дворцов, усадеб, квартир, церквей, монастырей и других учреждений, с целью хранения, инвентаризации и дальнейшего перераспределения между музеями страны.

Ключевые слова: Министерство императорского двора, духовенство, Двор, охрана памятников, Наркомат просвещения, Наркомат имуществ, Советская Россия, большевики.

Сведения об авторах: *Соколов Р. А.* — д-р ист. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; гл. науч. сотр., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); romansokolow@mail.ru | *Смирнова И. Н.* — мл. науч. сотр., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); i.nsmirnova@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, Россия, 191186, наб. р. Мойки, 48

FOR CITATION

Sokolov R. A., Smirnova I. N. 'The People's Commissariat of Property of the Republic and the Clergy of the Court during First Months of Soviet Power (Based on the Materials of the Central State Archive of Literature and Art of St Petersburg)', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 2, 2023, pp. 445–454. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.212> (In Russian)

Abstract: Despite the abundance of researches into the question of the relationship between the Soviet government and the Orthodox Church, there still remain unexplored lacunae. One of them is the relationship of power with the clergy of the Court. The clergy, which was part of the Ministry of the Imperial Court, was abolished in

January 1918, a few days before the Decree on Separation of Church from State was issued. This chronological discrepancy had its own reason. First of all, the clergy was connected with the fate of the Ministry, and, like a number of its subdivisions, fell under the control of the People's Commissariat of Property of the Republic. Despite the generally accepted opinion about the exceptionally consistent anti-religious policy of the authorities, in March 1918 the leadership of the People's Commissariat of Property issued a decree on the return to the clergy of part of the capital alienated by the January decree. This article examines this document and its appendices, which were not previously published, and also analyzes the possible reasons for the emergence of such a document, which contradicts the general course aimed at combating the church and religion carried out at that time on the national level.

Keywords: Ministry of the Imperial Court, clergy, Court, protection of monuments, People's Commissariat of Education, People's Commissariat of Property, Soviet Russia, bolsheviks.

The research was prepared with the support of the Russian Science Foundation (RSF), project no. 21-48-04402 "Saints and Heroes: From Christianization to Nationalism, Symbol, Image, Memory (North-West Russia, Baltic and Northern European countries)".

Author: *Sokolov R. A.* — Dr. Sci. of History, Professor, Herzen University; Chief Researcher, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); romansokolow@mail.ru | *Smirnova I. N.* — Junior Researcher, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); i.nsmirnova@yandex.ru

Herzen University, 48, nab. r. Moyki, St. Petersburg, 191186, Russia

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Bezik G., priest. The Activities of the Holy Synod in Administering the Military Clergy of the Army of the Russian Empire in the First World War, *Khristianskoe Chtenie*, 2021, no. 1 https://doi.org/10.47132/1814-5574_2021_1_205 (In Russian)
- Firsov S. 'The Most Holy Governing Synod on the Eve and During the Revolution. An Historical and Sociological Essay', *Gosudarstvo, religija, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 37 (1–2), 2019. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-90-103> (In Russian)
- Gordeev P. N. 'February Revolution and the Ministry of the Court' in *Revoljucija 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzgliady: sbornik nauchnykh statei* (St Petersburg, 2011). (In Russian)
- Kashevarov A. N. *Orthodox Russian Church and the Soviet State (1917–1922)* (Moscow, 2005). (In Russian)
- Kashevarov A. N. *Soviet power and the fate of the relics of Orthodox saints* (St Petersburg, 2013). (In Russian)
- Kashevarov A. N. 'The move of the Soviet government to Moscow and the fate of the Kremlin monasteries', *Istoriia Peterburga*, no. 1 (74), 2019. (In Russian)
- Krapivin M. Yu. 'Glamuseum and L. D. Trotsky's Commission for "accounting and concentration of values" (November 1921 — October 1922)', *Voprosy muzeologii*, no. 1 (13), 2016. (In Russian)
- Sokolov A. V. 'The fate of the court clergy after the October Revolution of 1917', *Cerkovno-istoricheskii vestnik*, no. 22–23, 2015/2016. (In Russian)
- Smirnova I. N. 'The Petrograd Artistic and Historical Commission and evacuation of The Winter palace in 1917', *Klio*, no. 9, 2020. (In Russian)
- Shakhnovich M. M. 'Presentation of the cult of Christian saints in anti-religious museum exhibitions during the era of the "Great Turn"', *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, iss. 4. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.410> (In Russian)
- Shkarovsky M. V. *Petersburg diocese in the years of persecution and loss. 1917–1945* (St Petersburg, 1995). (In Russian)

Received: October 6, 2022
Accepted: December 29, 2022